

В.Ю. Крюкова

**ВОССТАНОВЛЕНИЕ УТРАЧЕННОГО МИРА
КАК ИСКУПИТЕЛЬНАЯ ЖЕРТВА
(Видевдат 14)**

Четырнадцатый *фрагард* («глава, раздел») занимает особое место в авестийском кодексе ритуальной чистоты «Видевдате». Он посвящен ритуальному очищению грешника, убившего выдру — священное животное, охарактеризованное как «приводное» (*udra- upāra-*)¹, — животное, подающее плодородие. Само имя этого животного (авест. *udra-*, близкое русскому «выдра») непосредственно связано с водой, и.е. **udor-*, **wedor-*. Культ выдры, вознесенной компиляторами «Авесты» над прочими «творениями Святого духа», даже над собаками, почитавшимися зороастрийцами вторыми по святости после человека существами, запечатлен, в сущности, в единственном авестийском тексте — Видевдате 14. Скорее всего, в зороастризме этот культ имел весьма ограниченный, локальный характер: если в конце тринадцатого и в четырнадцатом *фрагардах* выдра предстает как некое сверхсущество, почти божество, то в других частях и «Видевдата», и «Авесты» в целом это животное вообще не упомянуто (за исключением топонима *udriia-* «выдрий», *Йаум* 19.6). То же можно сказать о среднеперсидской литературе: в четырнадцатой главе «Иранского

¹ Вопреки Бартоломе и индоевропейским параллелям Келленс вслед за Хаушилдом принимает для этого слова перевод «бобр» [Kellens 1974: 318]. Однако для обозначения этого животного в Авесте имеется свое слово (единожды зафиксированное в глоссе и переводимое также на основании индоевропейских параллелей) — авест. *baβra-*. Безусловно, абсолютно точно эти слова перевести невозможно, поэтому часто авест. *udra-* переводят как 'semiaquatic animal'.

(Большого) Бундахишна» выдра лишь названа среди шести пород «собак» как животное, живущее в зарослях, но не как важнейшее животное, связанное с водой и плодородием.

Интереснейшее повествование о восстановлении гармонии после убийства выдры предваряют заключительные пассажи тринадцатого фрагарда. Он посвящен собаке и животным, относящимся по зороастрийской терминологии к классу «собак». В последний попали не только сами собаки, но и некоторые животные: походящие на них по внешнему виду (лиса, шакал) или близкие, в зороастрийском понимании, по степени полезности (выдра, ласка, еж) — уничтожители разнообразных *xrafstra*- — гадов и вредных в хозяйственном отношении животных. Согласно зороастрийской доктрине все творения участвуют в постоянном противоборстве добра и зла, поэтому принадлежащие Святому духу животные каждый день «приходят убивать тысячами созданий Злого духа». Это может заключаться как в умоглядном противостоянии («благой» еж противостоит «злой» черепахе), так и во вполне реальном образе жизни («благая» выдра уничтожает «злых» лягушек). И если в этом противоборстве другим «собакам» отведена роль гвардии, выдра высупает подателем плодородия. При этом сотворение выдры происходит мистическим образом:

14. О создатель плотского мира, праведный! Когда умирает собака, ничего уже не выслуживающая, и семя которой иссякло, куда отходит ее дух¹?

15. И сказал Ахура-Мазда: К источникам вод [он] приходит, о Спитама Заратуштра, где сотворяются две водяные выдры²: из тысячи сук собак и тысячи кобелей собак — пара выдр, — самка и самец. Убивший выдру вызывает засуху беспастбищную.

16. Тогда это жилое место покинет, о Спитама Заратуштра, счастье и изобилие, здоровье и целительность, процветание, приумножение, произрастание, рост хлебов и пастбищ.

17. О создатель плотского мира, праведный! Когда же в это жилое место вернется, о Спитама Заратуштра, счастье и изобилие, когда здоровье и целительность, когда процветание, приумножение, произрастание, когда рост хлебов и пастбищ?

¹ Авест. *baodah*- 'сознание'.

² Видимо, отчасти это представление вызвано наблюдением с природы: выдры спариваются в воде.

18. И сказал Ахура-Мазда: Не вернется в это жилое место, о Спитама Заратуштра, ни счастье и изобилие, ни здоровье и целительность, ни процветание, приумножение, произрастание, ни рост хлебов и пастбищ,

19. пока здесь, в этом месте (?) убивший выдры не будет убит ударом, пока посвященной [в вопросы веры] душе выдры не совершат поклонение в течение трех дней и трех ночей, не будет возожжен огонь, простерт *барсман*, принесена *хаома*¹.

20. После этого вернется в это жилое место счастье и изобилие, здоровье и целительность, процветание, приумножение, произрастание, рост хлебов и пастбищ.

Не вызывает сомнения, что заключительные пассажи были добавлены к тринадцатому фрагменту для введения (путем указания на родство «собак» и «выдр») в корпус «Видевдата» нового текста (Видевдат 14), вероятно, помещенного в это собрание в числе последних. Следует обратить внимание на роль выдры: фактически это божество плодородия, подающее праведникам «счастье и изобилие, здоровье и целительность, процветание, приумножение, произрастание, рост хлебов и пастбищ». В «Авесте» подобный характер отношений божества (авест. *yazata*- «достойный поклонения») и поклоняющихся наиболее характерен для Йаштов, гимнов богам. В «Видевдате» же мы находим его в «перевернутом» виде — после смерти божества исчезают блага, с ним связанные. Для восстановления отношений со сферой божественного необходимо, путем сложного комплекса искупительных жертв-наказаний и жертвоприношений, вновь построить мир, восстановить утраченный со смертью божества рай. Именно этому грандиозному составному жертвоприношению, собирающему мир по его частям-жертвам, посвящен Видевдат 14.

Если заключительные пассажи тринадцатого фрагмента авестийского «Видевдата» являются по отношению к четырнадцатому вводной частью, имеющей мифологическое содержание (объяснение чудесного рождения выдры в источнике вод), то основной текст Видевдата 14 имеет, на первый взгляд, обычный для этого памятника вид перечисления (в данном случае) наказаний. Однако, при том что

¹ Имеется в виду совершение зороастрийской литургии, когда на алтаре горит священный огонь, жрец держит в руках ритуальные прутья *барсман* (*barəsmān*-) и изготавливается ритуальный напиток *хаома* (*haoma*-).

еще Дж. Дармстетер писал о присущем «Видевдату» «странном несоответствии между преступлением и наказанием» [The Zend-Avesta 1887: xcviij]¹, те наказания, а точнее искупительные жертвы, список которых представлен в тексте, а рiогi нереальны и лишь отчасти соотносимы с установлениями других фрагардов. Так, когда речь идет об ударах плетью, убиении вредных созданий и совершении литургий и возлияний, счет идет на мириады (авест. *baēvar-* «десять тысяч»). Ясно, что составители Видевдата 14 стремились изложить не реальный список наказаний за убийство священного животного, а описывали картину утраченного мира, и по тому, как его предписывается восстанавливать, мы можем судить о том, каковы были его конкретные проявления.

Важнейшей деталью этого мира и, соответственно, культа, была водная составляющая. На это указывает не только отнесение выдры к классу «приводных» животных *ирāра-* и ее мистическое происхождение из душ умерших собак в источнике вод, но и предписание Видевдата 14.2 строить канал с проточной водой (интересно, что в качестве мерила для измерения его глубины служит не тело человека, как обычно мы видим в тексте «Видевдата»², а тело собаки. Это поддерживает прокламированную связь выдры с собакой, а также требует обустроить места для собак и очистить их от паразитов). Рукотворный характер канала, как и детали экологической катастрофы, описанные в заключительных пассажах Видевдата 13, подчеркивают, что интересующий нас культ соотносится не с избытком дикой природы

¹ Дармстетер объяснял это несоответствие особенностями «арийского законодательства», которое, с одной стороны, не отличалось последовательностью, а с другой — рассматривало преступление в основном относительно того, насколько они грешат против религии. Дармстетер указал также, что невероятно суровые наказания, предписываемые Видевдатом, могли заменяться денежными штрафами [The Zend-Avesta 1887: xcvi–xcix]. Кроме того, некоторые случаи расхождения преступлений-наказаний могут свидетельствовать о том, что Видевдат не являлся цельным произведением.

² Известный аргумент Хеннинга в пользу поздней датировки Видевдата полагается на том, что система мер, принятая в этом памятнике, калькирует греко-романскую. Мне представляется справедливым контраргумент Шерве, согласно которому подобные системы, построенные на соотношении мер с частями человеческого тела, были широко распространены в древности [Skjærvø 2007: 114]. Тело собаки в качестве меры представляется подтверждением этого.

(несмотря на принадлежность к ней самой выдры), а с хозяйственной деятельностью человека: акцентированы «жилое место» и «рост хлебов и пастбищ». В пользу этого свидетельствует и предписание искупить убийство выдры жертвованием «земли пахотной, дважды в год омываемой через брешь в плотине» (Видевдат 14.13).

Вместе с тем восстановление изобилия и плодородия не ограничивается водной сферой. В сущности, эта деятельность должна охватить все важнейшие аспекты жизни зороастрийской общины, хотя жреческая область, как составляющая, наиболее значимая и знакомая компиляторам памятника, преобладает. Список храмового инвентаря (Видевдат 14.6–7), который необходимо пожертвовать ради искупления греха убийства выдры, говорит о требовании воссоздания храмового пространства, а перечисление дерева для священного огня, ритуальных пучков прутьев *barəsmān-* и жертвенных возлияний *zaōθra-* (Видевдат 14.2–4) — о восстановлении литургической жизни. Предписание убиения гадов и вредных животных, *xrafstra-* (Видевдат 14.5–6), отсылает нас к основному принципу зороастризма — противостоянию добра и зла, той «непрестанной битве», которую ведут со злом все благие создания Святого духа. При перечислении орудий, которые грешник должен пожертвовать «мужам праведным» (а именно членам зороастрийской общины) ради искупления своего греха, названы важнейшие сословия — жрецов, воинов и крестьян (Видевдат 14.8–10), которые, таким образом, объединяются фактом жертвоприношения.

Другой аспект социальной сферы представлен требованием выдать замуж за одного из «мужей праведных» пятнадцатилетнюю девуцу (Видевдат 14.15). Брак, прежде всего, является формой жертвоприношения, когда невеста выступает в роли жертвы, а жених замещает божество [Крюкова: 52]. Кроме того, образ непорочной девы «с серьгами», достигшей возраста расцвета, напоминает об Ардвиге Суре Анахите (богине, связанной с водными источниками и культом плодородия) — именно такой описана она в посвященном ей Йаште (5.126–129).

Пожалуй, наиболее примечательным среди искуплений убийства выдры является предписание строительства «дома со скотным двором» (*ntānəm gāiuiiānəm*) (Видевдат 14.14). Бартоломе понимал *ntānəm gāiuiiānəm* как «скотный двор, хлев» («einen Rinderstall») при том же значении и для *gāiuiiāna-* (наряду с первичным значением *gāiuiiāna-* в качестве прилагательного «предназначенный для ско-

та» — «fürs Rind bestimmt» [Bartholomae 1904: 522]). Таким образом, буквальный перевод *nmānəm gāušaīianəm* по Бартоломе — «дом, предназначенный для скота > хлев». Среднеперсидский язык дает для словосочетания *mān ē ī gōstān* перевод «некий дом, <служащий> хлевом для скота» [Pahlavi Vendidad 1949: 305]. Однако контекст показывает, что речь идет не о хлеве, а о чудесном доме фантастических размеров — «в девять *hāθra-*»¹, который снабжен «красиво расстеленными ложами с изголовьями» (*gātu x'aini.starətu maṭ barəziša*), вряд ли совместимыми со стойлами.

Возможно, впервые образ места (*gātu-*) — «ложа» или «трона», принадлежащего божеству, — появляется в Гатах Заратуштры — *gātūmcā ahurāi* (Йасна 28.5). Переводчики Гат понимали это сочетание либо как «трон Ахуры (Ахура-Мазды)», либо как «путь к Ахуре»². «Золоченые ложа» Ахура-Мазды, Амеша Спент («Бессмертных Святых») и Благой Мысли упомянуты в Видевдате 19.31–32. В пятнадцатом Йаште, посвященном Вайу — божеству ветра и воздушного пространства, рассказывается о том, как этому богу сам создатель Ахура-Мазда совершал жертву в Аирьянам Ваеджа³, на реке Ванхви Даитя, на золоченом ложе, золоченой подушке, на золоченом ковре, с простертым барсманом, совершая возлияния (Йашт 15.2). Помимо верховного божества, примерно в том же антураже приносят Вайу жертву герои, среди которых легендарный Йима. Он поклоняется Вайу с горы Хукаирья — высочайшей вершины, на которой берет начало источник Ардви Суры Анахиты (Йашт 5.96).

В Йаште, посвященном Ардви Суре Анахите, при описании горнего жилища богини, обителей (очевидно, посмертных) праведников, одаряемых божеством, упомянуты «красиво расстеленные ложа, снабженные изголовьями» (Йашт 5.101–102):

¹ Авест. *hāθra-*, среднеперс. *hāsr* — не вполне устоявшаяся мера времени и расстояния; Frahang ī oīm определяет ее как «тысячу шагов обеими ногами» [Bartholomae 1904: 1802], согласно другим источникам соответствует *frasang'*у или его четверти, т.е. примерно миле [MacKenzie 1990: 43]. И.М. Стеблин-Каменский поясняет *hāθra-* как меру, примерно соответствующую версте [Гаты Заратуштры 2009: 165].

² Варианты перевода приведены и рассмотрены Крейенброком [Kreyenbroek 1985: 9–12].

³ Аирьянам Ваеджа (*airiiana- vaējah-*) — «ариев распространение, арийский простор» — мифическая прародина древних иранцев.

5. 101. В этой тысяче озер, тысяче рукавов воды, каждое из этих озер, каждый из этих рукавов за сорок дней верхом на добром коне всаднику объехать,
у каждого рукава
дом стоит хорошо построенный,
сотнеоконный,
с тысячей колонн, хорошо сделанных,
с мириадам балок мощных.

102. У каждого в доме
ложе покоится красиво расстеленное (*gātu x'aini.starətəm*),
благоухающее, изголовьем снабженное (*barəziš.hauuaptəm*).

Сходное, но расширенное и не вполне совпадающее по лексике описание (посмертных) обителей праведников мы находим в гимне Аши (божество воздаяния и удачи) (Йашт 17.7–11 и сл.)¹. Здесь упоминаются «расстеленные лежа» (*starətasca gātuš*), «лежа хорошо расстеленные, надушенные, хорошо сделанные, снабженные изголовьями» (*gātauua hustarəta hupō-busta hukərəta barəziš.hauuaptō*), а также «дома хорошо устроенные, обильные скотом» (*nmānā huuidātā gaosūrāṇhō*).

Очевидно, что «красиво расстеленные лежа с изголовьями» служат устойчивым образом, и их упоминание отсылает к образам райского блаженства. Другим подтверждением этой связи служит описание укрытия Вар (*var(a)-*)², которое по наущению Ахура-Мазды построил легендарный Йима, первый царь иранцев. Вар, с одной стороны, в качестве сооружения, предназначенного для спасения праведных людей и благих животных от природного катаклизма, напоминает Ноев ковчег, а с другой — небесные обители божеств (в первую очередь, Сраоши — божества послушания) и праведников³.

¹ Как неоднократно указывалось, посвященный Ардви Суре Анахите пятый Йашт, несмотря на лучшую сохранность, скорее всего, является вторичным по отношению к гимну Аши (Йашт 17) — древней богине, которую отчасти затмила Ардви Сура Анахита.

² Витцел сравнивает авест. *vara-* с санскр. *vala* — пещерой, в которой спрятали коровы. Миф об их освобождении, наряду с семантически связанным мифом об убийстве Индрой Вритры, является основным мифом Ригведы [Witzel 2001: 14]. Ср.: [Иванов, Топоров 1974: 71–72].

³ Подробнее о связи укрытия Вар, построенного Йимой, и жилищем Сраоши, а также с высшим небом — местом посмертного пребывания праведников в царстве индийского бога смерти Ямы см.: [Крюкова 2008].

Описание Вара, которое — и это обстоятельство представляется важным — помещено именно в «Видевдат» (как и четырнадцатый фрагмент, повествующий о наказании за убийство выдры), проясняет упоминание в Видевдате 14.14 «дома со скотным двором» фантастических размеров:

Так этот Вар сделай длиной в *carətu-¹* на все четыре стороны²,
сюда семя принеси крупного и мелкого скота, людей, собак, птиц,
огней красных пылающих,

так этот Вар сделай длиной в *carətu-* на все четыре стороны мужам
для проживания, длиной в *carətu-* на все четыре стороны — для скота
скотный двор (*gāuūqṁ gāuūaiianəm*).

Сюда воду проведи
путем длиной в *hāθra-*,
здесь луга устрой,
всегда золотистые, всегда неиссякаемые для поедания,
здесь дома устрой, —
и помещение, и опору, и крышу, и ограждение.

Помимо прочего, здесь следует обратить внимание на ведийское представление, находящее индоевропейские параллели, согласно которому загробный мир является пастбищем (санскр. *gávyuti*)³, что нашло отражение и в авестийской истории строительства Йимой Вара. Сходство «дома со скотным двором» из Видевдата 14.14 с Варом Йимы не ограничивается упоминанием некоего гигантского сооружения, крепости с домами и скотным двором или домом со скотным двором, величина которых измеряется в *hāθra-*. Обе постройки имеют одинаковое строение:

В большей (или: *fratəmāt* «высшей») области девять проходов (*pərəθβō*) сделай, в средней (*madəmō*) — шесть, в меньшей (или: *nitəmō* «низшей») — три. Высшей [области] проходами тысячу семян мужчин и женщин принеси, средней — шесть сотен, нижней — три сотни.

¹ Мера длины, предназначенная для измерения бега, и вдвое большая, чем *hāθra-*.

² О переводе «на все четыре стороны», предложенном И.М. Стеблин-Каменским, см.: [Гаты Заратуштры 2009: 17].

³ См.: [Puhvel 1969].

<...> дом <...> [В] двенадцать проходов (*vītāra*)верху (*ur̥ta*), девять проходов посередине (*mad̥ta*), шесть проходов внизу (*nit̥ta*).

С одной стороны, обращает на себя внимание то обстоятельство, что при всей близости пассажей один не копирует другой (что было бы вполне обычным для «Видевдата»), хотя четырнадцатый фрагмент и представляется одной из поздних, если не самой поздней главой «Видевдата». Вероятно, мы имеем дело с двумя разными вариантами передачи одного мотива. Более того, именно Видевдат 14.14 проясняет структуру Вара — его не столько плоскостную, сколько вертикальную схему¹. Эта вертикальная, этажная конструкция кажется абсурдной: если «проходы» разбивают площадь на равновеликие отсеки, получается, что «верхний этаж» по площади больше, чем «средний» и тем более «нижний». Однако о величине отсеков ничего не говорится, а «проходы», скорее, нужно понимать именно как входы в каждую «область» или «этаж», а не сами отсеки, — с этим согласуется и значение слов *p̥r̥atav-* и *vītāra-*.

С другой стороны, не следует ожидать от мифа прямолинейной логики. Напротив, большее число «проходов» может означать увеличение, рост, следовательно, движение вверх. Именно вертикальному трехчленному делению мира, высшая область которого находится на небе, где расположены и горние (посмертные²) жилища праведников, обители богов, очевидно, соответствует строение Вара³. В сущности, Видевдат 14.14 объединяет два образа: трехчленное строение мира по вертикали, при котором верхней областью является небесная обитель, и изображение самой этой райской обители с «красиво расстеленными ложами». Появление образов мира и рая в контексте повествования о восстановлении гармонии, утраченной после смерти священного животного, подающего плодородие, видится вполне уместным: не хлев должен построить грешник, убивший выдру, а восстановить утраченный рай.

¹ О переводе областей в Видевдате 2.30 как верхней, средней, нижней и понимании этого членения как небесной, средней и нижней сферы см.: [Pigart 2007: 165]. Ср. с гипотезой о концентрической плоскостной конструкции Вара: [Гаты Заратуштры 2009: 17–18].

² Впрочем, о смерти в Видевдате 2, Видевдате 14, Йаштах 5 и 17 ничего не говорится. Об идее отстранения смерти в зороастризме см.: [Крюкова 2008: 21–47].

³ Подробнее об этом и ведийских параллелях см.: [Там же].

В чем же заключается смысл комплексного жертвоприношения, описанного в Видевдате 14? Помимо собственно зороастрийских литургий и жертвоприношений-возлияний, убийца выдры должен принести несколько комплексов жертв, но не богам, а «мужам праведным», т.е. членам своей общины. Искупительные жертвы-наказания, которые предписано понести грешнику, в своей совокупности соответствуют первоначальной жертве (а точнее, тем благам, которые она породила), совершенной ради устройства мира, а также тем жертвам, которые совершались божеству для продолжения установленного порядка. Схема изложения при этом повторяет (конечно, в менее совершенной форме) обычное повествование гимна: такого, например, как гимн Ардви Суре Анахите — в тех частях, где богиня одаривает своих праведных почитателей дарами, охватывающими все сферы жизни общины. Однако предписанные Видевдатом 14 искупления не совпадают с обычными жертвами, а являются их инверсией, собирая по частям разрушенное целое, воссоздавая гармонию: грешник, убивший священное животное, жертвует то, что обычно получают от богов в обмен на жертву.

Видевдат 14. Перевод с авестийского

Спросил Заратуштра Ахура-Мазду: О Ахура-Мазда, Дух Святейший, плотского мира создатель, праведный! Кто выдру убьет приводную, что тысяча сук собак, тысяча кобелей собак, отнимающим жизнь «ударом, от которого испускают дух»¹, какое ему за это наказание?

И сказал Ахура-Мазда: Мириад ударов пусть нанесут ему конской плетью, мириад «делающей послушными»²; мириадам охапок дерева твердого, высушенного, отобранного для огня Ахура-Мазды по истине, по благу ради души пусть понесет наказание.

Мириадам охапок дерева мягкого — *uruuāsna-*, *vohu-gaona-*, *vohu-kərəti-* или *hadānaēpata-* или других наиболее благоуханных растений для огня Ахура-Мазды по истине, по благу ради души пусть понесет наказание.

Простираем мириада [пучков] барсмана простертого, мириадам заотр³ с хаомой, с молоком возлиянных («пожертвованных»), проце-

¹ Термин, засвидетельствованный в правовых частях Видевдата.

² «Делающая послушными» — эпитет упомянутой конской плети.

³ Авест. *заотра-* — жидкое жертвоприношение, возлияние.

женных, — по учению возлиянных, по учению процеженных, — в смеси с тем растением, что зовется *hadānaēpata-*, для вод благих по истине, по благу ради души пусть понесет наказание.

Мириад змей, ползающих на брюхе, пусть убьет, мириад «собачьих» змей — ящериц — пусть убьет, мириад черепах пусть убьет, мириад раздувающихся лягушек пусть убьет, мириад водяных лягушек пусть убьет, мириад муравьев, таскающих зерна, пусть убьет, мириад муравьев, жалящих («испускающих [яд]»), маленьких, зловонных, пусть убьет.

Мириад жуков, скатывающих навоз, пусть убьет, мириад мух ужасных пусть убьет, мириад ям для нечистот¹ в земле пусть выроет. Дважды семью орудиями [для поддержания священного] огня для мужей праведных по истине, по благу ради души пусть понесет наказание.

Огнем («делателем огня», состоящим из двух частей) жерлообразным (?), жертвенником теплоугольным (состоящим из двух частей), мехом («раздувателем огня») надутым, выгнутым с нижней стороны, согнутым с верхней стороны, тесаком остроколющим, остролезвийным, колуном острорежущим, остролезвийным для мужей праведных по истине, по благу ради души пусть понесет наказание; [это орудия,] для которых маздаяснийцами ради огня Ахура-Мазды дрова должны быть подобраны.

Всеми орудиями жреца для мужей праведных по истине, по благу ради души пусть понесет наказание, из которых орудий жреца: плеть, сосуд для молока, пайти-дана (*paiti-dāna*)², «убиватель храфстра»³, [плеть,] «делающая послушными», сосуд для воды, сосуд для смешивания, ступка (состоящая из двух частей), как положено сделанная, чаша для хаомы и барсман.

Всеми орудиями воина для мужей праведных по истине, по благу ради души пусть понесет наказание, из которых орудий воина: первое — копье, второе — нож, третье — дубинка, четвертое — лук, пятое — пояс с колчаном с тридцатью стрелами с железными наконеч-

¹ Согласно среднеперсидскому комментарию, речь идет о ямах для совершения ритуальных омовений.

² Авест. *paiti-dāna* — жреческая повязка на лицо, препятствующая осквернению священного огня и ритуально чистых предметов дыханием. То же слово употреблено в следующем пассаже для обозначения забрала.

³ Название специального жреческого орудия, предназначенного для убивания «гадов»-храфстра, в первую очередь змей.

никами, шестое — праща с веревкой-рукой с тридцатью камнями для метания, седьмое — кольчуга, восьмое — шейный доспех, девятое — забрало (*paiti-dāna-*), десятое — шлем, одиннадцатое — пояс, двенадцатое — набедренники.

Всеми орудиями крестьянина для мужей праведных по истине, по благу ради души пусть понесет наказание, из которых орудий крестьянина: плуг [для двух быков], ремни для крепления, лучшая из плетей для скота плеть для скота (состоящую из двух частей или «двуххвостую»), каменный пресс (состоящий из двух частей, из двух жерновов?), мельница для зерна с круглой верхней частью.

<...> частью из серебра, частью из золота. О создатель плотского мира, праведный! Сколько [должно быть] серебра? — И сказал Ахура-Мазда: Стоимостью жеребца. О создатель плотского мира, праведный! Сколько [должно быть] золота? — И сказал Ахура-Мазда: Стоимостью верблюда.

Каналом с проточной водой для мужей праведных по истине, по благу ради души пусть понесет наказание. О создатель плотского мира, праведный! Как велик [должен быть] канал? — И сказал Ахура-Мазда: Глубиной в собаку, шириной в собаку.

Землей пахотной, возделанной для мужей праведных по истине, по благу ради души пусть понесет наказание. О создатель плотского мира, праведный! Какой [должна быть] земля? — И сказал Ахура-Мазда: Чтобы водой дважды [в год] омывалась через брешь [в плотине].

Домом со скотным двором в девять *hāθra-*, девять войлоков для мужей праведных по истине, по благу ради души пусть понесет наказание. О создатель плотского мира, праведный! Как велик [должен быть] дом? — И сказал Ахура-Мазда: Двенадцать проходов вверху, девять проходов посередине, шесть проходов внизу. Ложами красиво расстеленными с изголовьями для мужей праведных по истине, по благу ради души пусть понесет наказание.

Девушкой без изъянов, нетронутой [мужчиной] для мужей праведных по истине, по благу ради души пусть понесет наказание. О создатель плотского мира, праведный! Что это за девушка? — И сказал Ахура-Мазда: Сестрой ли, дочерью ли именуемая (?), с серьгами, достигшая пятнадцатилетия мужам праведным замуж должна быть отдана.

Дважды семью головами баранов («мелкого скота блеющего») для мужей праведных по истине, по благу ради души пусть понесет нака-

зание. Дважды семь щенков собак пусть выходит, дважды семь переправ пусть наведет через суходонные воды.

Дважды девять мест [для собак], не приготовленных должным образом, как положено следует ему обустроить, дважды девять собак следует очистить от <...> и всех наизлейших [паразитов], которые у собак встречаются. Дважды девять мужей праведных должен он подбивать мясом или снадью, вином или *hurā*¹.

Вот такое ему наказание, таково его возмещение, для искупающего здесь праведника, а не искупившему — в Доме Лжи («в аду») постыльцем быть.

Библиография

Гаты Заратуштры / Пер. с авестийского, вст. ст., коммент. и прил. И.М. Стеблин-Каменского. СПб., 2009.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Крюкова В.Ю. Представления о смерти как осквернении в зороастризме // Центральная Азия. Традиция в условиях перемен. СПб., 2008. Вып. II.

Bartholomae Chr. Altiranisches Wörterbuch. B., 1904.

Kellens J. Les noms-racines de l’Avesta. Wiesbaden, 1974.

Kreyenbroek G. Sraoša in the Zoroastrian Tradition. Leiden, 1985.

Крюкова В. Interpretation of Tājik Wedding Embroidery: Ritual, Image, Text // Manuscripta Orientalia. Vol. 12. № 2.

MacKenzie D.N. A Concise Pahlavi Dictionary. Oxford, 1990 (1st ed. 1971).

Pahlavi Vendīdād. Transliteration and Translation in English by B.T. Anklesaria. Bombay, 1949.

Pirart É. Georges Dumézil face aux démons iraniens. P., 2007.

Puhvel J. “Meadow of the Otherworld” in Indo-European Tradition // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung (KZ, Kuhns Zeitschrift). Bd. 83 (1969).

Skjærvø P.O. The *Videvdad*: its Ritual-Mythical Significance // The Age of the Parthians. The Idea of Iran. Vol. 2. L.; N.Y., 2007.

Witzel M. Autochthonous Aryans? The Evidence from Old Indian and Iranian Texts // Electronic Journal of Vedic Studies (EJVS). Vol. 7 (2001). Issue 3 (May 25). — Режим доступа: <http://www.people.fas.harvard.edu/~witzel/EJVS-7-3.htm>.

The Zend-Avesta. P. I. The Vendīdād tr. by J. Darmesteter (SBE IV). Oxford, 1887.

¹ Авест. *hurā* — алкогольный напиток из молока.